

существование неизменной тварной истины и, наконец, существование неизменной нетварной истины. От этой нетварной истины с необходимостью зависит принцип противоречия. В самом деле, наличествуют два рода истины: простая (*incomplexe*), которая есть сама сущность всякой вещи и выражает ее неотделимость от существования (*indivisio entis et esse*), и сложная истина, которая есть соответствие (*adequation*) вещи и понятия, ут-

верждающего или отрицающего предикат некоего субъекта. Противоположностью этим двум истинам могла бы быть не-неделимость (*non-indivision*) бытия и его существования и несоответствия вещи и понятия. Между одним из двух видов истины и его противоположностью наличествует абсолютное противоречие, и, следовательно, их противостояние бесконечно. Даже интеллект с беспредельной способностью понимания не может охватить расстояние большее, чем расстояние между терминами, контрадиктарно противопоставленными друг другу. Тогда если существует первобытие, то, очевидно, будет существовать и вечное противоречие, основанное на его оппозиции к небытию. И с точки зрения простой истины будет вечно истинно, что ее бытие предельно дистанцировано от небытия. С точки зрения сложной истины будет также вечно истинным тот факт, что два контрадиктарно противопоставленные термина никогда не могут быть одновременно истинными. Таково вечное основание истинности философского принципа противоречия.

За истиной следует наука (трактат III). Позаимствовав у аль-Газали формулу, которую он часто будет использовать, автор «Суммы» начинает с установления своей «*anitas*»**. «*Anitas*» — термин, близкий термину «*quidditas*»***; это ответ на вопрос, существует ли вещь (*an sit*), как «чтойность», это и ответ на вопрос «что это такое?» («*quid sit?*»). Если допустить, что истина существует, то с необходимостью придется принять, что есть и наука — результат союза умопостигаемого и способности мыслить. Когда результат получен, он становится постоянным положением (*habitus*), которое позволяет интеллекту реально отличать истинное от ложного в том, что касается вышеупомянутого умопостигаемого. Аристотель дал хорошую классификацию наук, однако на ее вершину следует поставить теософию и, кроме того, дополнить классификацией аль-Фараби, которой следовал аль-Газали. Науки отличаются от искусств тем, что рассматри-

Глава VIII. Философия в XIII веке

376

вают причины своей истинности, тогда как искусства — это скорее манера действовать согласно уже приобретенной истине. Все те, кто работает в науке и занимает в ней выдающееся место, имеют право на звание философа; те, кто блистает в каком-либо искусстве, получают звание мастера. Вместе с тем отметим, что звание философа преимущественно подходит людям, которые прославились в метафизике и которых называют мудрецами, а также теологам, достигшим высокого уровня в теософии.

Из того факта, что для всякого искусства требуется материя — в чем никто не сомневается, — с необходимостью следует, что материя имеется в природе (трактат IV). Решив таким образом вопрос с «существовательностью», перейдем к «чтойности». Абсолютная первоматерия есть субстанция, лишенная формы, но познаваемая только в связи с формой. Это — необходимо субстанция, поскольку она естественно является существенной частью всякой составной субстанции; и она познаваема лишь в связи с формой, поскольку то, что существует только в потенции, познаваемо лишь в силу отношения последней к действию. Но форма обращена в сторону действия. Первоматерия